

УДК 82.09

ДИАЛОГ С ДОСТОЕВСКИМ В ПОВЕСТИ ФР. ГОРЕНШТЕЙНА «ПОСЛЕДНЕЕ ЛЕТО НА ВОЛГЕ»

© 2012 О. И. Чудова

Пермский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 10 августа 2009

Аннотация: Статья посвящена диалогу Фр. Горенштейна с Достоевским. Центральные персонажи повести «Последнее лето на Волге» сопоставляются с героями романов «Идиот» и «Братья Карамазовы». В заключении делается вывод о том, что диалог Горенштейна с Достоевским включает в себя как острую полемику с классиком, так и солидарность с ним.

Ключевые слова: Достоевский, Горенштейн, диалог, полемика, традиция, аллюзия.

Abstract: This article is dedicated to dialogue of Fr. Gorenstein with Dostoevsky. The heroes of the story «Last Summer on the Volga-river» are compared to the characters of «The Idiot» and «The Brothers Karamazov». In conclusion, one can infer that the dialogue of Gorenstein with Dostoevsky includes both a sharp polemic with a classic and solidarity with him.

Key words: Dostoevsky, Gorenstein, dialogue, polemic, tradition, allusion.

В художественном сознании Фридриха Горенштейна Достоевский занимал особое место. Диалог с автором великого пятикнижия можно увидеть в таких центральных для творчества Горенштейна произведениях, как роман «Место», пьесы «Споры о Достоевском» и «Волемир», повести «Ступени», «Искушение», рассказы «Разговор», «Контрэволюционер», «Искра».

Данная статья посвящена повести «Последнее лето на Волге». Интерес именно к этому произведению обусловлен его ярко выраженной публицистичностью: автор открыто выражает отношение к личности и творчеству классика. Эта особенность повести неоднократно отмечалась исследователями. Например, Л. Клейн писал, что «публицистический напор» размывает границу между автором и героем, что в повести отражается «не столько мироощущение героя, сколько концепция автора» [1, 7].

Повесть написана в Берлине в 1988 году, в том же году впервые опубликована за рубежом в эмигрантском журнале «Время и мы» (1988. № 105), а спустя четыре года в России в журнале «Знамя» (1992. № 1). Наряду с другими произведениями, она вошла в книгу избранных произведений писателя, выпущенную издательством «Слово» в 1992 году.

Повесть еще недостаточно изучена, однако можно назвать несколько работ, в которых она рассматривается. Прежде всего, это появившаяся в «Независимой газете» сразу после публикации

«Последнего лета на Волге» рецензия Л. Клейна «Изобрази Россию мне». Кроме того, фрагментарный анализ повести встречается в книгах М. Полянской – «Я писатель незаконный» (2003) и «Музы города» (2000). Не обращая специально к проблеме художественных связей Горенштейна с Достоевским, Полянская отмечает ряд очевидных отсылок к текстам классика. В частности, она обращает внимание на место действия повести – трактир, излюбленный топос Достоевского [2, 127]. Кроме того, по мнению исследовательницы, роман «Братья Карамазовы», как «всепоглощающая тайга» и «бесконечная Волга», становятся для героя символами России, раздумья о которой не оставляют героя даже в «манящейся за границе» [3].

Главный герой, интеллигент, от лица которого ведется повествование, в последний раз перед отъездом за границу путешествует по Волге. Ощущение скорого расставания обостряет чувства героя: он постоянно рефлектирует, стремится обобщить «волжские впечатления», все увиденное воспринимает как символы России.

В повести неоднократно упоминаются фамилия классика («Болезненное состояние русского характера<...>, которое так метко схвачено и выписано Достоевским <...>» [4, 511]) и слово «достоевщина» («В этих чудесных блинчиках на грязных скатертях была какая-то достоевщина <...>» [4, 513]), имена героев (Раскольников, Свидригайлов, Смердящая, Алеша) и названия произведений («Братья Карамазовы»), встречаются достоевские цитаты («клейкие листочки»,

© О. И. Чудова, 2012

«слезиночка ребенка», «жизнь любить больше, чем смысл ее») и аллюзии на романы «Преступление и наказание», «Идиот», «Братья Карамазовы».

Так, герой-повествователь замечает в кабаке незнакомого мужчину, которого он про себя называет богатырем, и становится свидетелем того, как он, увидев коляску с «дитём», вдруг начинает плакать. «Подобным образом самозабвенно рыдать только русский грешник может, и “клейкие листочки” вспомнит, и “слезиночку ребенка”» [4, 516], – размышляет, наблюдая за этой сценой, повествователь. В образе «богатыря» Горенштейна соединяются хорошо узнаваемые черты Мити и Ивана Карамазовых. Герой называет его так потому, что у него были «огромные руки, не просто большие, а огромные, богатырские, как у Ильи Муромца» [4, 513]. Эта портретная характеристика встречается и в «Братьях Карамазовых», когда Митя «богатырской рукою» помогает Алеше перелезть через плетень. Однако эпизодическая у Достоевского деталь в повести Горенштейна получает дальнейшее развитие и становится определяющей в образе героя. Сцена рыдания над ребенком, безусловно, заставляет вспомнить известный сон Мити, в котором он видит жителей погоревшей деревни, слышит детский плач и ощущает желание «сделать что-то такое, чтобы не плакало больше дитё» [5, 14, 457]. Этот сон оказывается поворотным в митиной судьбе, проснувшись, он кается в содеянном зле, принимает «муку обвинения», чтобы «пострадать и страданием очиститься» [5, 14, 458]. Образ ребенка из сна не покидает его, со слезами рассказывает он Грушеньке, что «за дитё» он в Сибирь пойдет. Горенштейн намеренно использует слово «дитё», поскольку в тексте Достоевского, как известно, подчеркивается значимость этой транскрипции: «И поражает Митю то, что он сказал по-своему, по-мужицки: “дитё”, а не “дитя”. И ему нравится, что мужик сказал “дитё”: жалости будто больше» [5, 14, 456].

Очевидно, что в повести Горенштейна и сцена сна, и образ Мити иронически переосмыслены. Слезы «богатыря» вызвал даже не ребенок, а коляска, которая напомнила ему о том, как его «махонького» «бабуленька» в такой же плетеной коляске возила. Причина и следствие у Горенштейна меняются местами: после рыданий «богатырь» вдруг вступает в драку с прохожим и, упав на газон, «в грязи, на ветру, с подбитым глазом» начинает «по-медвежьи» храпеть.

Упоминание «клейких листочков» и «слезиночки ребенка» отсылает к образу Ивана Карамазова. Противоположные друг другу герои Дмитрий и Иван, человек необузданных страстей, живущий лишь чувством и рационалист, теоретик, идеолог, по Горенштейну, представляют собой

один тип – «русского грешника». Возможно, здесь обнаруживается намек на неосуществленный замысел Достоевского – написать «Житие великого грешника». Обращение к образам Ивана и Дмитрия не случайно: герои финального романа, как неоднократно замечали исследователи, являются наиболее ярким воплощением излюбленных достоевских типов.

Отмеченное выше травестирирование убеждает в том, что Горенштейн критически относится к художественному опыту Достоевского, к созданным им героям. По его мнению, «Федор Михайлович Достоевский обращается с чувствами и идеями так же, как обращается с ядами и радиоактивными веществами ученый-теоретик. Он их смешивает и соединяет в непозволительных для жизни пропорциях» [4, 523]. Идеи героев-теоретиков, подобно ядам, губительны, напряжение их страстей невыносимо для человеческой природы.

Главная мысль Достоевского о том, что христианская вера способна спасти «русского грешника», привести его к покаянию и возрождению, также вызывает резкое неприятие Горенштейна. Он полагает, что Достоевский, «насильственно», «подобно механической силе», вмешивается в судьбу своих героев, чтобы спасти их от «отравления идеями». Покаяние Раскольникова, финальная речь у камня Алеши Горенштейном воспринимаются как проявления этого механического вмешательства.

Однако важно отметить, что Горенштейн полемизирует не только с Достоевским, но и его «апологетами», вина которых, по мысли писателя, заключается в том, что из «экспериментатора» и «теоретика» Достоевского они сделали пророка и «учителя жизни». Возможно, настойчивое обращение Горенштейна к Достоевскому, постоянное стремление оспорить его центральные идеи вызвано особой популярностью классика в XX веке.

Наряду с образом «русского грешника» привлекают внимание Горенштейна и созданные Достоевским образы Коли, Илюши и других мальчиков. Герой-повествователь «Последнего лета на Волге», глядя на играющих детей, вспоминает услышанную по телевизору историю о том, как «ребятишки» удавили деревенскую Жучку. Герой напрямую соотносит этот случай с эпизодом романа «Братья Карамазовы» и замечает, что у Достоевского «вокруг этого строится целая моральная концепция с христианским раскаянием, со слезиночкой ребенка и прочим мармеладом» [4, 522]. По Горенштейну, садистское преступление, причиной которому в данном случае стало «разбуженное ранним онанизмом половое чувство», – это «ясное, плоское, вполне изученное медициной» явление, придавать которому «третье измерение» и «философский

смысл» (что и делает Достоевский) — значит «дезориентировать и соблазнить “малых сих”» [4, 522]. В художественном мире Горенштейна инстинкт занимает центральное место, определяет все действия героев. Отмечая эту принципиальную для писателя позицию, исследователи его творчества видят в ней исток его полемики с Достоевским. Так, Л. Аннинский считает, что у Горенштейна на место «завещанной классиками логики» встает «мистика крови, рода, инстинкт и необъяснимость чувств» [6, 80]. «Писатель, всегда занятый вскрытием подоснов, обнажением истоков людских побуждений, мало что выводит из единого уклада личности, зато очень многое — из “клеточного состава” материи <...>, тогда как по классическому канону все эмоциональные пути сбегаются к духовному ядру индивидуальности и расходятся от него» [7, 242], — пишет В. Камянов в статье «Век XX как уходящая натура».

С романами Достоевского может быть соотнесена и та сцена «Последнего лета на Волге», в которой герой-повествователь видит, как дети обзывают нищенку Любу и кидают в нее камнями. Здесь обнаруживаются параллели не только с известной сценой «Братьев Карамазовых», когда Илюша и мальчики устраивают «перестрелку» камнями, в которую вовлекают и Алешу, но и с романом «Идиот», а именно с рассказом князя о Мари, которую дети сначала дразнили и закидывали грязью, а потом вдруг «очень стали любить». В повести Горенштейна дети, узнав о трагической судьбе Любы, каются в своих «дурных поступках», сочувствуют Любе, помогают ей. Можно не согласиться с Г. Померанцем,

который утверждал, что «даже ребенку Горенштейн отказывает в искренности раскаяния» [8, 4]. По Горенштейну, дети — это «единственная живая сила» [4, 519], с ними связаны светлые надежды автора. В повести дети оказываются более мудрыми и чуткими, чем взрослые, и хотя они совершают дурные поступки, но не теряют способности к покаянию. Как видно, Горенштейн, воспроизводя известный достоевский сюжет, не подвергает его иронической трансформации и, таким образом, следует за Достоевским в решении детской темы.

Предпринятый в данной статье анализ позволяет обнаружить разные аспекты диалога Горенштейна с Достоевским. Этот диалог включает в себя как острую полемику с классиком, так и солидарность с ним.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Клейн Л. Изобрази Россию мне / Л. Клейн // Независимая газета. — 1992. — 16 апреля. — С. 7.
2. Полянская М. Музы города / М. Полянская. — Берлин: Зеркало загадок, 2000. — 141 с.
3. Полянская М. «Я — писатель незаконный...»: записки и размышления о судьбе и творчестве Фридриха Горенштейна / М. Полянская. — (http://www.belousenko.com/wr_Gorenstein.htm).
4. Горенштейн Ф. Избранное: в 3 х т. / Ф. Горенштейн. — М., 1991—1993.
5. Достоевский Ф. М. Полн. СОБР. соч. : в 30 т. / Ф. М. Достоевский. — Л., 1972—1985.
6. Аннинский Л. Фридрих Горенштейн: миры, кумиры, химеры / Л. Аннинский // Вопросы литературы. — 1993. — № 1. — С. 62-90.
7. Камянов В. Век XX как уходящая натура / В. Камянов // Новый мир. — 1993. — № 8. — С. 234-242.
8. Померанц Г. Псалом антихристу / Г. Померанц // Литературная газета. — 1992. — 25 марта. — С. 4.

Чудова О. И.

Пермский государственный педагогический университет, аспирант кафедры новейшей русской литературы

E-mail: chudova-olga@mail.ru

Chudova O. I.

Perm State Pedagogical University, aspirant of faculty of modern russian literature